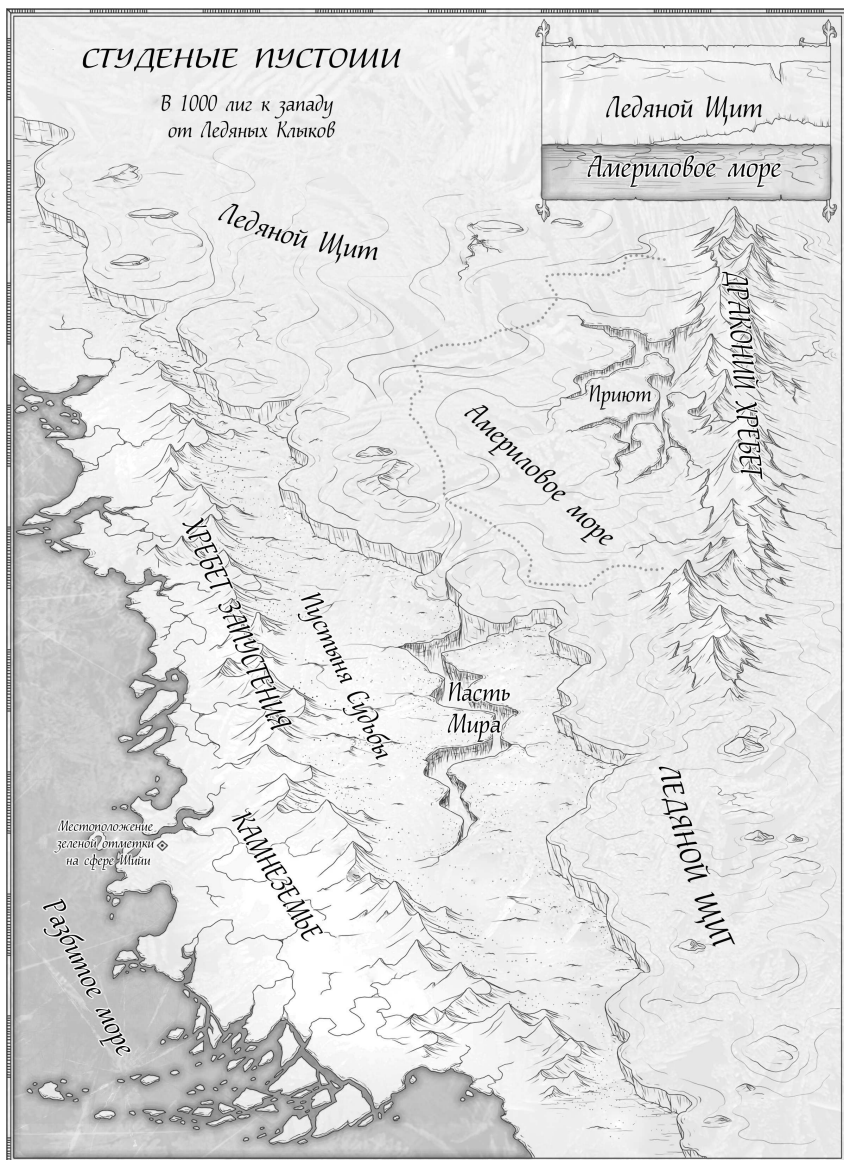

*Когда мир прекратил вращаться,
родились новые земли.*

СТУДЕННЫЕ ПУСТОШИ

В 1000 лиг к западу
от Ледяных Клыков

Ледяной Щит

Америловое море

Ледяной Щит

Драконий Хребет

Приют

Америловое море

Ледяной Занушения

Пустыня Снегов

Насть Мира

Ледяной Мит

Местоположение
зеленой отметки
на сфере Мира

Разбитое море

Камнеземье

ЮЖНЫЙ КЛАН

ШААР-ГА

Дыхание Урта

Острова Мурта

Каракул Экау

Болота Страха

ТАЙТИНСКАЯ ЧАМОБА

Нисейская трассина

М'вен

КАМЕННЫЕ БОГИ

Залив Благословенных

Кисагири

Грей-Ме

М'вен

ТАЙТСКИЕ ГОРЫ

МАИПСКАЯ ЧАМОБА

Казен

Соленые пустоши

Калины

Рог Солнечия

Коготь

Хражкин озеро Сарин

Красный плавник

Сухие болота

Пустыня Ваэ-Ген

Острова Ирибежца

Я сижу, неподвижно застыв, рука моя нерешительно зависла над хрупким пергаментом. Смятение сжимает мне сердце, иссушает волю. Рука у меня дрожит. Я ищу любой предлог, только чтобы не продолжать ее историю. Торгуюсь сам с собой, перебираю доводы у себя в голове. Какая, в конце концов, разница? Кто прочтет эти слова? Кто будет изучать эти наспех нацарапанные наброски прошлого, давно канувшие во тьму? Нет никого, кто помнил бы ее, — никого, кто мог бы разделить с ней всю эту цену крови, раздоров и злосчастий.

И все же я обязан продолжать — не ради какого-то будущего читателя, даже не ради самого себя.

А совсем по другой причине.

Она по-прежнему смотрит на меня из альбома для рисования, прислоненного к окну, где первые лучи солнца каждый день освещают ее пепельные волосы, упрямый изгиб ее губ, ее небесно-голубые глаза, сверкающие как драгоценные камни. Этот тяжелый взгляд и побуждает меня рассказать ее историю. Он словно давит на меня, обременяет меня, напоминает мне о данном давным-давно обещании.

И все же я сдерживался, сопротивлялся ей. Времена года успели уже дважды сменить друг друга, но это время пролетело для меня незаметно. Я использовал его, чтобы вернуться к некогда написанному, поискать истины, которые ускользнули от меня при первом рассказе, — детали, способные стать предвестниками того, что за этим должно было последовать. Я еще раз перечел, как почти слепая девушка вдруг полностью обрела способность видеть — исцелил ее яд, доселе считавшийся смертоносным, — и как она счастливо избежала и гибель-

ного пророчества, и королевских легионов. Я видел, как судьба и безрассудство подбросили ей фигуры из какой-то грандиозной игры в «рыцарей и разбойников»: принца без всяких надежд на престол, сломленного судьбой рыцаря, непокорного вора-бунтаря, некую фигуру, созданную из текучей бронзы — наряду с бесчисленным множеством других второстепенных игроков. Не говоря уже о ее крылатом брате, явившемся разделить с нею песню и сердце, что связало их крепче, чем любых братьев и сестер.

И все же это было лишь начало.

Первый мой сказ был о душевной чистоте и невинности, где даже среди кровопролития можно было сыскать надежду. Завершился он выковывыванием цели — союзом, призванным бросить вызов пророчеству, попытаться расплавить ту застывшую смолу пустоты, в которой словно муха завяз Урт, и заставить мир вращаться вновь — воспрепятствовать гибельному исходу, заключенному всего в двух словах: «обрушение луны».

То, что за этим последовало, гораздо трудней передать на бумаге.

Хуже того: описать это — значит, пережить заново.

Это история о потерянной душевной чистоте, о преданном доверии, об изгнанной надежде. Это настоящее издевательство над тем, что было написано прежде. Даже сейчас я слышу, как ее крылатый спутник жалобно стонет в темноте. Слышу этот страдальческий обуздывающий напев, который сковывает меня даже сейчас, — напев, от которого в жилах у меня стынет кровь и рука замирает на месте.

Я не хочу рассказывать эту историю, переживать ее заново...

И все же, в этих первых рассветных лучах, она вновь смотрит на меня из моего старого альбома для рисования. Эти глаза были написаны краскою из растертых в масле лазурных ракушек, но их сила живет в них даже сейчас. Когда я встречаюсь с этим взглядом, он разрушает чары, сковавшие меня, — достаточно, чтобы я высвободил эти холодные слова, прочно запертые у меня в груди.

Итак, я начинаю.

Я целых два сезона томился в своей тесной мансарде, и это мне лишь на руку — поскольку я продолжаю ее историю с того момента, на котором точно такое же время прошло и для нее.

Часть I

ЛЕДЯНОЙ ЩИТ

Коли мороз обжигает кожу,
то кто отличит лед от пламени?

*Найдено в «Хрониках»
Реги си Ноора,
первого исследователя земель
за Клыками, пропавшего
без вести во время своей
второй экспедиции*

Глава 1

Никс подняла руку к сверкающей россыпи звезд. Тепло ее дыхания туманило ледяную тьму, настолько размывая обзор, что все вокруг казалось какой-то волшебной иллюзией. Оставшись совсем одна на средней палубе «Пустельги», она не отрывала глаз от чуда наверху. Никс и представить себе не могла, что за пределами солнечного света может существовать такое ослепительное сияние.

«Хотя откуда мне это было знать?»

По мере того как летучий корабль продолжал свой полет на запад под сводом ночного неба, она все сильнее сознавала, насколько ничтожным было до недавнего времени ее существование. Вся ее жизнь прошла в пределах Венца, где ночь — это всего лишь чуть более тусклая разновидность дня. Никс представила себе бронзовую модель солнечной системы в астрономике своей бывшей школы, где солнце было представлено в виде сферического котла с раскаленными углями, вокруг которого на проволочках и шестеренках вращались крошечные планеты. Увидела мысленным взором третью по счету из них — Урт, — движущуюся по своей орбите в замысловатом танце, заданном часовым механизмом модели. Пока ее мир оборачивался вокруг солнца, яркое светило никогда не отворачивалось от него. Одна сторона Урта вечно горела под безжалостным сиянием Отца Сверху, в то время как другая была навсегда лишена Его тепла, запертая в вечной ледяной тьме. Венец располагался между этими двумя крайностями — кольцо земель, зажатых между льдом и пламенем, где животворящая любовь Отца Сверху питала тех, кто находился внизу.

«И вот теперь мы оставили все это далеко позади».

Никс перевела вытянутую руку к причине этого опасного полета на запад. Чувствуя, как немеют от холода голые пальцы, прикинула размеры полной луны — яркой, словно фонарь в этих темных краях, — пытаюсь определить, не раздулся ли лунный лик еще больше, и ища свидетельства того, что ее пророчество об обрушении луны может сбыться. Вновь услышала истошные крики из того своего видения, ощутила громовое сотрясение земли, когда луна врезалась в Урт, сокрушая его до основания, после чего воцарилась оглушительная тишина.

Она так и не поняла, стал ли лик луны хоть немного больше, но ничуть не сомневалась в своем пророчестве, сделанном под влиянием яда полгода назад. Алхимик Фрелль подтвердил его своими собственными измерениями, приборами куда более точными, чем пальцы Никс. По его словам, полная луна и вправду постепенно увеличивалась в размерах, особенно в течение последнего десятилетия. Бронзовая женщина, Шийя, даже назначила приблизительную дату конца света: «Лет через пять, не больше, а может, и всего года через три».

Никс чувствовала, как этот постоянно сужающийся временной промежуток буквально давит на нее, словно набитая камнями телега, навалившаяся ей на грудь. Даже во время отдыха ей часто было трудно дышать. На подготовку к этому путешествию в эти погруженные во тьму Студеные Пустоши у их группы ушли конец лета и большая часть осени. Они не осмеливались торопить события, тем более что об этих промерзших насквозь землях было практически ничего не известно. И вот теперь, когда зимнее солнцестояние быстро приближалось, им все еще предстояло преодолеть сотни лиг, а время стремительно утекало.

Отчаявшись что-либо понять, Никс опустила руку и снова сунула пальцы в перчатку на меховой подкладке. С тех пор как они пересекли гористые Ледяные Клыки — этот зазубренный барьер из снежных вершин, отмечающий границу между Венцом и Студеными Пустошами, — они уже трижды видели убывающую и вновь растущую луну. Трижды Никс наблюдала, как темная Охотница все гоняется за светлым Сыном, а тот раз за разом успешно ускользает от нее. Всякий раз, когда Сын вновь целиком являл свой лик, Никс потихоньку выскальзывала из каюты, как и сейчас, и поднималась на открытую палубу «Пустельги», чтобы оценить холодное выражение лунного лица.

И все-таки это была не единственная причина, по которой она отказывалась от тепла корабля ради леденящего холода открытой средней палубы.

Никс прошла вдоль поручней правого борта, вытянув шею, чтобы заглянуть за пределы огромного пузыря с летучим газом, закрывавшего большую часть неба — выискивая характерный серповидный силуэт своего брата на фоне звезд. Навострила уши, пытаясь уловить его зов в темноте. Слышала, как потрескивает лед на толстенных стальных тросах, соединявших корабль с летучим пузырем, но в остальном все было тихо. Даже быстропламенные горелки, которые обычно несли корабль вперед, теперь молчали — их жерла были надежно законопачены для защиты от всепроникающего холода, чтобы сохранить тепло внутри корабля.

Большую часть этого путешествия экипаж полагался на течение небесной реки, текущей на запад, которое несло их все дальше и дальше вперед. Корабельные горелки, конечно, могли бы ускорить полет, но запасы быстропламени лучше было поберечь, даже с учетом дополнительных баков, приваренных к корпусу «Пустельги». Требовалось, чтобы топлива хватило не только для путешествия через Пустоши, но и для возвращения, если они преуспеют в своих поисках.

Никс еще дальше перегнулась через поручни, вглядываясь в небо; сердце у нее забилось чуть сильнее.

— Где ты? — прошептала она сквозь шарф.

Пока Никс шарила взглядом над головой, ветер всюду трепал выбившиеся из-под шапки и рассыпавшиеся по щекам пряди ее темных волос. Ветер этот больше не нес в себе и намека на бывшее тепло. Она представила себе реки-близнецы, текущие по небу. Та, что несла сейчас их корабль, увлекала за собой обжигающий жар с выжженной солнцем стороны Урта непрерывным потоком на запад, прежде чем вернуться назад более холодным воздушным течением, охватывающим сушу и море. Именно эти два воздушных потока, вечно бегущие в двух противоположных направлениях, и одарили земли Венца пригодным для жизни климатом. Иеромонахи верили, что происходит это благодаря двум богам-близнецам, огненному Гадиссу и ледяному великану Мадиссу, которые и гонят эти реки по небесам своими могучими выдохами, в то время как ученые-алхимики утверждали, что все дело в каких-то природных воздуходушных мехах, образовавшихся между двумя крайностями Урта.

Никс не знала, чему верить. Все, что она знала наверняка, так это что так далеко в Пустошах эта горячая река несла в себе совсем мало своего живительного тепла. Отныне их путь будет становиться лишь холоднее. Говорили, что если забраться достаточно далеко в Пустоши, то и сам воздух там превращается в лед.